

М. И. СЕМЕВСКИЙ

Слово и дело!

<Фрагменты>

III

Камер-фрейлина Мария Даниловна Гамильтон,
казненная 14 марта 1719 года

«Страсть любовная, до Петра I почти в грубых нравах незнаемая, начала чувствительными сердцами овладевать, и первое утверждение сей перемены от действия чувств произошло. А сие самое учинило, что жены, до того нечувствующие своей красоты, начали силу ее познавать, стали стараться умножать ее пристойными одеяниями, и более предков своих распростерли роскошь в украшении. О, коль желание быть приятной действует над чувствами жен!»

Кн. М. М. Щербатов. «О поврежд. нравов в России», «Русская старина» 1870 г., изд. 3-е, том II, стр. 16.

1

Гемильтон, или Гамильтон (Hamilton), принадлежит к числу древнейших и именитейших родов датских и шотландских, разделяющихся на множество отраслей. Мы не станем перечислять знаменитых представителей и представительниц этой фамилии, но заметим, что хроники Гемильтонов богаты самыми романтическими происшествиями, самыми разнообразными деяниями на поприщах политическом, литературном, придворном, в областях искусства, живописи, музыки; наконец, имя одной из Гемильтон, леди Эммы Гемильтон (родилась в 1760 году, умерла в 1815 году), занимает видное место в хрониках английского и неаполитанского дворов. Знаменитая красавица была любовницей многих достопочтенных лордов, любовницей нескольких героев, игравших в свое время важные роли в ученом или военном мире, была сама героинею, публично женщиною, была натурщицею, за деньги представляла статую богини Здравия (Hydiea), являлась публике обнаженной и прикрытою прозрачным покрывалом, была законною супругою

лорда-посланника, управляла неаполитанским двором... словом, список ее деяний бесконечен.

Некоторые из членов этой фамилии в настоящее время (1860 год) принадлежат к числу ближайших родственников Луи-Наполеона III.

Вслед за таким громким генеалогическим вступлением можно подумать, что фрейлина Гамильтон, героиня настоящего рассказа, есть лицо в высшей степени замечательное, что жизнь ее полна деяниями романтическими, что она — хоть бледный первообраз леди Эммы Гемильтон? Нет, «девка Марья Гаментова», как названа Гамильтон в современных ей застеночных документах и в пыточных допросах, личность интересная, но в другом роде, в других нравах. Кратковременная жизнь ее небогата событиями разнообразными; но эти немногие события характеризуют время Великого Петра, некоторых из лиц, его окружавших, знакомят с тогдашним состоянием одной из важнейших частей уголовного законодательства, наконец, дают нам повод, хоть в кратком очерке, представить внутреннюю жизнь петровского двора.

В последнее время (1860 год) судьба фрейлины Гамильтон заинтересовала многих из тех, которые следят за текущею русскою литературою. По поводу имени Гамильтон (Гаментова тож), случайно попавшего в устряловские списки оговоренных и пытаных лиц в 1718 году (История Петра I. Т. VI), в одной из газет в 1860 году появилась интересная статейка: «Фрейлина Гамильтон».

«В истории России первой половины XVIII века, — так начинает автор, — есть много лиц, которых трагическая судьба должна бы спасти от забвения. Эти бледные, окровавленные тени, участь которых мало трогала жесткие, недоступные состраданию сердца людей, живших в то ужасное время, встают теперь, одна за другой, из могил и являются перед судом потомства, требуя очищения памяти их от несправедного осуждения и произнесения нового, успокоительного для них приговора».

В этих словах выражается взгляд составителя статьи на фрейлину Гамильтон, о которой он приводит немногие, но любопытные подробности из нескольких печатных сочинений. Не станем распространяться о том, верно или неверно суждение неизвестного автора о трагической судьбе Гамильтон; но заметим, что судьба эта заинтересовала многих, и вслед за указанной статейкой в газетах появилось несколько дополнительных статей, замечаний, объяснений и поправок о фрейлине Гамильтон.

<...>

На пиршествах присутствовали все знатные дамы; присутствовала и фрейлина Гамильтон. Красавицы, в угоду пирующим,

зачастую осушали бокалы... Ассамблеи не получили еще правильного устройства; самое слово не закреплено было царским указом, но собрания танцевальные были в большом употреблении, и все дамы, в особенности молодые иностранки, чуждые русского предубеждения к этим потехам, от души веселились; веселилась и танцевала, без сомнения, и наша красавица. Она не имела первое время опасных соперниц, которые могли бы затмить ее своюю красотой. Царевны Анна и Елисавета Петровны были прекрасны, по замечанию современника, «как ангелы»; но в это время были детьми. Княгиня Марья Юрьевна Черкаская (родилась в 1696 году, умерла в 1747 году), обе Головкины, Измайлова, считавшиеся в 1721–1723 годах первыми красавицами петербургского двора, в то время также были еще очень молоды. В числе немногих соперниц Гамильтон в 1713–1716 годах была генеральша Авдотья Ивановна Чернышева, пользовавшаяся иногда особым вниманием государя... Он называл ее обыкновенно «Авдотья — бой-баба!»

Русским дамам много вредила дурная и отвратительная мода: они сильно румянились. Почти все петербургские дамы так хорошо умели раскрашивать себя, что мало уступали француженкам. <...>

Страсть к нарядам и уборам с каждым годом более и более распространялась при дворе, но средства удовлетворять возникавшим потребностям были в самом младенческом состоянии. «Я от верных людей слыхал, — замечает князь М. М. Щербатов, — что тогда в Москве была одна только уборщица для волос женских; и ежели к какому празднику, когда должны были младые женщины убираться, тогда случалось, что она за трои суток некоторых убирала, и оне принуждены были до дня выезда сидя спать, чтобы убору не испортить... Если страсть быть приятной такое действие над женами производила, не могла она не иметь действия и над мужчинами, хотящими им угодным быть, то то же тщание украшений ту же роскошь раждало. И уже престали довольствоваться одним или двумя длинными платьями, но многия с галунами, с шитьем и с пондеспанами делать начали».

Сама Екатерина Алексеевна, по свидетельству того же историка, любила и старалась украшаться разными уборами и простирала это желание до того, что запретила другим женщинам подобные ей украшения носить, как, например, убирать алмазами обе стороны головы, дозволив убирать одну левую сторону; запрещено было носить горностаевые меха с хвостиками, которые одна она носила, и это обыкновение, введенное не указом и не законом, обратилось в узаконение, в силу которого это украшение присвоено было только одной царской фамилии, в то время, как в Германии и мещанки носят эти меха...

Пример Екатерины еще более усиливал между молодыми придворными женщинами страсть к нарядам. Ее любимица камер-фрейлина Гамильтон, как увидим ниже, до такой степени увлеклась этою страстью, что, не имея возможности украшать костюм так, как бы это хотелось, стала пользоваться вещами из туалета своей госпожи. Петр, по известной бережливости, другие поклонники Гамильтон, по бедности, не могли дарить ее необходимыми украшениями; а между тем для поддержания красоты и значения между дамами и девицами, она нуждалась во многих вещах. Эта потребность являлась тем более насущною, что красота Гамильтон стала блекнуть; она уже два раза была беременна... Первая беременность ее относится к 1715 году. В это время, впоследствии рассказывала Варвара Дмитриева, находившаяся при ней в услужении от великого поста и до Троицына дня, Гамильтон была больна: «И в то время хаживали к ней явно Семен Алабердеев, денщики и протчие дворцовые служители; но была ли тогда брюхата Марья, того я, Варвара, подлинно не знаю».

Из других показаний видно, что сомнения в беременности Гамильтон не могло и быть; несчастная, стыдясь множества поклонников своих, два раза, как сама после созналась, «вытравливала детей лекарствами, которые брала у лекарей государева двора, причем сказывала лекарям, что берет лекарство от запору...»

За злополучной девишкой, во время ее тяжелых болезней, ходила, кроме Варвары Дмитриевой, казначейша Анна (Крамер). Варвара носила Марье Даниловне (из придворной кухни) есть и пить. В награду за службу Марья Даниловна дала Варваре «два небольшие жемчуга, серьги, да юбку старую, коломинковую» [*Коломинковая юбка — коломянка, коломенок — полосатая пестрая шерстяная домотканая юбка.*].

Между тем царь Петр уже охладел к Марье Даниловне; первая по времени назначения в России камер-фрейлина была для него не более, как предмет временной преходящей любви, подобно Анны Монс, Матрены Балк, Авдотьи Чернышевой (по словам Вильбоа, беспорядочным поведением своим имевшей вредное влияние на здоровье Петра), Анны Крамер, княгини Кантемир и многих других. Только любовь к Катерине Алексеевне, обратившаяся у Петра в привычку и всеми средствами поддерживаемая Меншиковым, оставалась в прежней силе.

Оставляемая Петром, Гамильтон обратила внимание на одного из его денщиков, на Ивана Орлова... Надо думать, что предмет ее любви, по крайней мере, в физическом отношении был достоин выбора: в денщики выбирались красивые, рослые, видные, расторопные и смышленные молодые люди.

<...>

Орлов, равно и другие русские кавалеры тогдашних собраний всегда вызывали внимание красавиц, предпочтительно пред немцами-кавалерами. Рост ли, красота, другие ли какие свойства, только выбор львиц петербургских большею частью падал на русских гвардейцев. Таким образом, выбор, сделанный фрейлиной Гамильтон, вовсе не был исключением... Орлов сделался ее любовником.

Мы были б неправы, если б вслед за князем М. М. Щербатовым стали утверждать, что любовная страсть, любовные интриги, блуд, даже разврат, до Петра I не были «ни в обычаях, ни в примерах» нашего отечества. Напротив, можно привести бесчисленное множество свидетельств из иностранных писателей и отечественных документов о том, что любострастие, блуд, разврат имели громадные размеры в допетровской Руси. Но, боясь наполнить нашу статью излишними отступлениями, мы скажем, что связи мужчины с женщинами без освящения церковью распространены были не только по всей России, но даже и в девственной стране сибирской.

<...>

Суровый монарх, грозный ко всем преступлениям и проступкам, уступая духу времени и свойствам собственного темперамента, был очень снисходителен к проступкам прелюбодеяния. Петр Васильевич Кикин, нещадно сеченный кнутом за растление девки, немного времени спустя, в 1704 году, по воле монарха, ведал всеми рыбными промыслами и мельницами России.

Осматривая однажды в Вышнем Волочке канал, государь, так повествует Штелин, увидел в толпе собравшегося народа красивую и взрослую девушку, которая поглядывала на него и тотчас пряталась, когда государь смотрел в ту сторону. Петр подозревал ее. Она краснела, закрывала лицо и плакала. Думая, что эти слезы знак стыдливости и целомудрия, государь стал говорить ей, чтоб она напрасно не стыдилась и не робела, что она хороша и ей время выходить замуж. Прочие крестьянки громко хохотали. Государь, рассердившись, сказал: «Чему вы, дуры, смеетесь? Разве тому, что сия девушка скромнее вас и плачет из стыдливости?» Дуры не унились. «Чему сии дуры смеются? — спросил монарх, обратясь к одному из мужиков. — Стыдливости ли этой пригожей девушки или чему другому? Разве им завидно, что я с нею говорю?»

— Нет, государь, — отвечал крестьянин, — я знаю, что они не тому смеются, а другому.

— Что ж такое?

— То, — отвечал мужик, — что вы, батюшка, все называете ее девкою, а она уже не девка!

— Что ж она такое, неужли замужняя?

— Нет, и не замужняя, — отвечал крестьянин, — она дочь моего соседа, рабочая, трудолюбивая и добрая девка; но года два как сжилась с одним немцем-офицером, который стоял у нас тогда постоем и после вскоре в другое место послан; и для того девушки наши с ней не водятся и ей насмеваются.

— Великое дело, — сказал государь, — если она ничего худшего не сделала, то должно ли сим поступком, толь долго ее упрекать и ее стыдить за то пред всеми? Это мне не угодно; я приказываю, чтоб ее ни из какой беседы не исключали и чтоб отнюдь никто не осмеливался делать ей за то ни малейшего попреку.

Затем государь сам успокаивал девушку, убеждал не печалиться, не стыдиться; потребовал к себе ее сына, мальчика миловидного и здорового, и, указывая на него, сказал: «Этот малой будет со временем добрым солдатом; имейте о нем попечение. Я, при случае, о нем спрошу, и чтоб его всякий раз показывали, когда только мне случится приехать». Подарив мать деньгами, отпустил ее домой.

Этот случай достаточно показывает, как человечно смотрел великий Преобразователь России на плотское согрешение... Кроме духа времени этому воззрению способствовали собственные склонности монарха. Всем известно, что телесная крепость и горячая кровь делали его любострастным. Может быть, что заграничные путешествия еще более развили в нем этот — если не порок, то недостаток... «Впрочем, — так думает князь М. М. Щербатов, — если б Петр в первой жене нашел себе сотоварища и достойную особу, то не предался бы любострастию; но, не найдя этого, он возненавидел ее и сам в любострастие ввергнулся... Петр довольствовал свою плоть, но никогда душа его не была побеждена женщинами... среди телесных удовольствий великий монарх владычествовал».

Верно или неверно мнение кн. М. М. Щербатова о начале чувственности в царе Петре — судить не беремся; но заметим, что пример Петра не мог не действовать на его окружавших, в особенности на людей, более или менее сочувствовавших его реформам. Пример в слабостях еще более заразителен: недаром же царевич Алексей Петрович, задумав обвенчаться с крепостной девицей Ефросиньей Федоровной, говорил: «Ведайте, что я на ней женюсь, ведь и батюшка мой таково учинил»; недаром генерал-прокурор, «государево око» — Павел Иванович Ягужинский и некоторые другие по призыву и капризу развелись с женами и вступили в брак с другими... Очень хорошо зная любострастные деяния своего повелителя, и денщик Орлов смелее и смелее действовал в своих любовных пашнях с забытой красавицей.

Если тесные комнатки летнего, зимнего и других домов государевых, в которых помещалась придворная прислуга, были не всегда удобны для свиданий любовников, то громадный сад (ныне Летний, также сад у Инженерного замка) со своими гротами, островками на прудах, беседками, рощами и аллеями представлял прекрасное место в летние месяцы для интимных бесед Орлова с Гамильтон. Денщик и фрейлина, лакей и горничная — им хорошо было известно, когда, не опасаясь господского надзора, можно было власть наговориться и нацеловаться...

Нечего и говорить, что подобных нежных любовников было очень и очень много. Не все были так счастливы из падших красавиц, что падение их не имело особых последствий: многие делались матерями; некоторые, боясь стыда, вытравливали детей, подобно Гамильтон, лекарствами; некоторые решались налагать руку — умерщвлять плод любви... Подобные преступления стали так часто повторяться, что государь нашел необходимым обнаружить 4 ноября 1715 года следующий указ:

«Великий государь указал: в Москве и в других городах при церквях, у которых пристойно, при оградах сделать гошпитали, в Москве мазанки, а в других городах деревянные, також, как о таких же делах боготщательное и душеспасительное осмотрение преосвященный Иов, митрополит новгородский, учинил в великом Новгороде. И избрать искусных жен для сохранения зазорных младенцев, которых жены и девки рожают беззаконно, и стыда ради отмечают в разные места, от чего оные младенцы безгодно помирают, а иные от тех же, кои рожают, и умерщвляются. И для того объявить указ, чтоб таких младенцев в непристойныя места не отмечывали, но приносили бы к вышеозначенным гошпиталям и клали тайно в окно, через какое закрытие, дабы приносящих лица было не видно. А ежели такая незаконнорождающия явятся в умерщвлении тех младенцев, и оныя за такая злодейственныя дела сами казнены будут смертью; и те гошпитали построить и кормить из губерний из неокладных прибылых доходов, а имянно давать приставленным (женщинам) на год денег по 3 рубли да хлеба по полуосмине на месяц, а младенцам по 3 деньги на день».

Все эти меры должны были быть известны камер-фрейлине Гамильтон; но, преследуемая стыдом, желая сохранить за собой имя честной девушки, с другой стороны, не доверяя новому учреждению о «зазорных младенцах» и тому, что можно в совершенной тайне отдавать туда детей, она предпочла сделаться преступницей... Но не станем опережать события. Пока Гамильтон все еще имела значение, могла гордиться расположением своих господ; наконец, в Иване Орлове любила грубого, необразованного,

полудикого, но страстного любовника. Судьба не разлучала их, и 27 января 1716 года в свите государя и государыни они отправились за границу.

6

В субботу, 21 июня (память мученицы Юлианы), день был солнечный и жаркий. В природе все было так весело и чудно; роскошная Нева спокойно катила свои волны, омывая подножие крепостных валов... но невесело было за этими валами. В Канцелярии тайных розыскных дел Петр Андреевич Толстой и Иван Иванович Бутурлин допрашивали камер-фрейлину Марью Гамильтон, в «деле» о ней уже попросту именованной: девкой Марьей Гамонтовой.

Марья Даниловна винулась, что, «будучи при государыне царице Екатерине Алексеевне, вещи и золотые (червонцы) крала, а что чего, порознь не упомнит, а явно то, что у ней, Марьи, вынято».

Камер-фрейлина сознавалась, что из краденых червонцев дала Ивану Орлову 300, да кое-что из своих собственных вещей; кроме же его, «никому из тех вещей не давала; ребенка прижила она с ним, Иваном, и родила; а притом и помянутая женка была; и того ребенка не давливала, и родила над судном, который в то судно выпал, и стала беспамятна. И та женка ее с того судна подняла и положила на постель; а тот ребенок остался у той бабы; а как она пришла в память, в то время та женка ей того ребенка подносила, который был чуть жив и был у ней же, женки, и потом сказала, что он уже умер, и она-де, Марья, сказала ей, чтоб отнесла куды. А Катерина сказала, что уже она то сделает, и понесла вон, и где девала, не знает...

А ей женке Катерине, что она распросом своим показала и Варваре и Анне, то все давала она свое и до родин, и после родин, а не из вышеупомянутого, и больше того брюхата не бывала.

И того ж числа девке Марье с женкою Катериною очная ставка.

А с очной ставки сказали:

Женка Катерина уличает, что, конечно, младенца задавила Марья таким образом, как она родила над судном: засунула тому младенцу палец в рот и подняла его (младенца) и придавила.

А девка Марья сказала, что того младенца задавила она, и в том, и во всем виновата».

Это страшное признание, без всякого сомнения, было вызвано у Марьи не столько уликой служанки, сколько угрозой следователей предать ее пытке.

Фрейлина призналась; казалось бы, и достаточно; но нет, для любознательных Петра Андреевича и Ивана Ивановича мало сего признания.

— Ведал ли об убийстве дитяти любовник твой, Иван Орлов?
Та отвечает: «Не ведал».

Следователи не верят; так или иначе, дело не может обойтись без пытки, и вот секретарь в застенке пишет: «Того ж числа девка Марья с виски сказала: что младенца задавила она, а Ивану Орлову о том, что брюхата, сказывала и что бросила младенца мертвого, и сказала, что он ушибся; а о том, что задавила, не сказывала».

А Иван Орлов приведен в застенок и на очной ставке с Марьєю сказал: что он с нею, девкою Марьєю, жил блудно, и что она младенца родила и бросила мертвого, о том он от нея не слышал, и она ему не сказывала, а он-де ей говаривал: когда родит, чтоб она ему о том сказала. А триста червонных она ему дала и сказала, что ея, а не государыни-царицы».

В Канцелярию тайных розыскных дел приехал царь Петр Алексеевич. В присутствии его царского величества допрос сделался оживленнее. «Девкою Марьєю» стали разыскивать.

«А с розыску сказала: что она Ивану Орлову ни о чем том (то есть об убийстве) не сказывала и лекарство принимала собою, а Орлову о том и ни о чем не сказывала; а у государыни-царицы вещи крада она и о том сказала то же, что и в распросе своем».

Дано ей, камер-фрейлине двора ея величества, пять ударов»*.

Скажи она одно против Орлова слово, и этот любовник был бы вздернут на дыбу: кнут да огонь пошли бы в дело.

Впрочем, само дело шло очень медленно; жалел ли царь Петр красавицу либо исподволь хотел исследовать трагическое событие, только камер-фрейлину Гамильтон оставили оправляться от первой пытки...

26 июня 1718 года скончался царевич Алексей. Его похороны, пиры и пьянства при спуске кораблей, рассылка некоторых арестантов, допросы остальных занимают время. Этого времени хватает и на то, чтоб тщательно просматривать списки пытаных и отмечать некоторых на новые истязания.

* Великий монарх начертал в Воинском уставе целую главу (ч. II, гл. 6) о распросе с пристрастием и о пытке. Показывая зачастую лично пример производства пытки на практике, государь предлагал таким образом и теорию. Руководствуясь ею, следователи должны были «особ, которые к пытке приводятся, рассмотреть, и, усмотря, твердых, безстыдных и худых людей пытать жесточае, тех же, кои деликатного тела и честные суть люди, легче; и буде такой пытки довольно будет, то не надлежит судье его приводить к большему истязанию. Притом же надлежит судье у пытки быть осторожну, чтоб, усмотря подобие правды, онаго тело, котораго пытает, истязанием не озлобить (т. е. не сделать нечувствительным). С этою же целью должен был выжидать, пока болезнь минется у пытаннаго раз, чтоб паки и паки — пытать». (Примеч. автора.)

Таким образом, 5 июля 1718 года, слушав у себя на дворе докладную выписку о колодниках, царь Петр, между другими высочайшими резолюциями, указал: «Денщика Орлова прислать за караулом на Котлин остров; а Гаментову пытать вдругоряд. И буде в другом розыску скажет тож, что и в первом, а на Орлова ничего не покажет, и онаго Орлова сослать на каторгу на время без наказания. Оригиналы (то есть бумаги) все отдать в посольский приказ и поставить их в крепкую казарму».

Вскоре после этих резолюций, в начале июля, мы видим Петра в море, во главе эскадры из 23 линейных кораблей. 19 числа, в субботу, он был в Ревеле; между тем, в С.-Петербурге, Иван Орлов подал своим следователям своеручное письмо, в котором рассказывал приведенные уже нами подробности о том, как фрейлина Гамильтон сочинила, будто один денщик с Авдотьей (Чернышевой) говорил про царицу, что она-де кушает воск и оттого на лице угри; как слух этот разнесся при дворе; как, испуганный этим, он кинулся с оправданием к Екатерине Алексеевне, и та с битьем стала спрашивать Марью Даниловну.

По письму денщика в тот же день Скорняков-Писарев допрашивал камер-фрейлину. Она подтвердила обвинения любовника, пояснив, что говорила и о воске, и об угрях, ссылаясь на Чернышеву, с тем, чтоб отвадить от нее Орлова. Государь все еще был в море, либо в портах, занятый ходом переговоров о мире на Аландском конгрессе; в Петропавловской же крепости розыски продолжались.

Во вторник, 5 августа 1718 года, как значится в подлинном деле, «ею же, девкою Марьею Гамонтовою, разыскивано:

А с розыску сказала: блудно-де жила с Иваном Орловым и брюхата была трижды; двух ребенков она вытравила лекарствами, которыхя брала от лекаря государева двора» и т. д.

Показания эти нам уже известны: Марья Даниловна, повинившись в том, что вытравила двух и третьего ребенка придавила, все-таки не взводила на любовника обвинения, будто бы он ведал об убийстве.

«А у государыни-царицы, — заключала настоящий ответ камер-фрейлина — червонцы и вещи крала, а сколько чего покрала, и то все у меня вынуто, а Иван Орлов о том не ведал же».

Таким образом, она совершенно выгораживала его из ответа. Следователям не могло это нравиться: по их обязанности они долгом считали вымучить что-нибудь новое.

«Девке Гамонтовой (камер-фрейлине высочайшего двора, ея царскаго величества) дано (вторично) пять ударов».

Насколько молчалива была Гамильтон, настолько был горлив вполне оробевший ее любовник. В день второй пытки камер-фрейлины он написал длинное письмо, которое, за не?

имением более существенных факторов, наполнил обстоятельным рассказом о том, как и где в Голландии он был пьян, бранился с Марьей, называл ее б...; как, по приказу Питера-инженера, писал, протрезвясь, грамотки, прося извинения у обруганной; как величал он ее, вновь напившись к и бивал; писал Ор? лов и о щупаньи живота Марьи в Ревеле, приводил свои пытливые расспросы о тугости живота и ее уклончивые ответы. Затем дал подробный отчет о сплетнях денщиков и баб при дворе, по возвращении в С.-Петербург; о беременности Марьи, о судьбе ее ре? бенка. В заключение письма Орлов говорил о необходимости, «чтоб у Марьи спросить при других про Александра подьячего, про Семена Маврина, что они с нею жили, также как и он. И больше думал я про робят, что не было у ней от множества; а что сперва он, Орлов, потаил от царского величества, то опасался других причин, и хотел все на себе снести, не ведая у ней робят; а ежели в них будут запираяться, также и они, чтоб у них взять за их руками письмо».

Из этого письма видно, как малодушен был Иван Михайлович Орлов. В виду любовницы, сносившей мужественно не одни угрозы, но и кнут, он, в беспамятстве от страха, лгал, как увидим ниже, на нее, оговаривал и других лиц.

Нет сомнения, что донесения об этих допросах и ответах отсылались к царю Петру, да и вторичная попытка камер-фрейлины совершена была с высочайшего разрешения. Государь, по-видимому, весь отдавшийся морским эволюциям, нашел, однако, время обнародовать любопытный указ 18 августа 1718 года, в силу которого во всей России запрещалось писать какие-либо, запершись, письма; этим указом монарх давал обширное поле для фискальных исследований и застеночных розысков. «Причина сего указа, — догадывается Голиков, — заключалась в том, что тайные злоумышленники, соучастные делу царевича, выпускали в народ возмутительные письма, ко вреду высокой монаршей чести; и коль сие должно (было) быть чувствительно трудящемуся неусыпно о благе отечества монарху!»

Чувствительный царь Петр Алексеевич спасал свою честь сим указом; не менее чувствительный денщик Иван Михайлович неусыпно хлопотал о своей: ему очень не хотелось познакомиться с виской и кнутом и, ради сохранения спины, он вновь подал, в среду 20 августа 1718 года, своеручное письмо; а в нем написал:

«В первом письме я написал про Родивона Кошелева, что он посмеялся Алабердееву про Марью, будто она с ним, Орловым, сделала брюхо, и то неправда; он ему так не смеялся, и от других я, Орлов, таких речей не слыхал; только я слышал про этот смех от Алексея Юрова, а про то не знаю, от кого он слышал; сказал мне,

что Алабердеев с Кошелевым побранился, и я, Орлов, спросил: за что? И он сказал: посмеялся ему Марьею, тем ребенком, который явился у фонтана, а я сказал: ведь ты слышал, не про нее говорят».

Орлов, как известно, допрашивал, вследствие этих слухов, свою любовницу, и та его уверила, что никакого убийства не было. «А на то я не могу прямо написать, — заключал свое письмо денщик, — не могу и упамятовать: как ее (камер-фрейлину) спрашивал или так, как в сем письме писал, или, может быть, что и убитым (ребенком) помянул, и в том пусть ее спросят, может быть, что она лучше помнит; при других ее никогда не спрашивал, и от других не слыхивал.

И притом прошу себе милостивого помилования, что я в первом письме написал лишнее; когда мне приказали написать, и я со страху, и в безпамятстве своем, написал все излишнее; клянусь живым Богом, что всего в письме не упомяну, и ежели мне в этом не поверят, чтобы у тех спросить, того не было.

И про других (Алабердеева и Маврина) я написал, будто с Марьею жили, то я мнил; однако ж, забыв то, когда при царском величестве был розыск, и она меня в ту пору оговорила; и на свидетельство меня приводили, и тогда ее изволил спрашивать Иван Иванович (Бутурлин), и она сказала, что кроме меня никто (у нее любовником) не был.

А что-де я в первом письме написал про них дерзновенно, то в безпамятстве своем забыв. И ныне на то свидетельства вернаго не имею, что они жили с Марьею блудно».

Следствие и исследование настоящим письмом Орлова кончилось; по крайней мере, мы не имеем известий о новых допросах, да едва ли они и были; оставалась развязка любовного романа — казнь преступницы.

Но Петр не спешил с нею. Сентябрь, октябрь и весь почти ноябрь 1718 года прошли для Марьи Даниловны в томительном ожидании своей судьбы. Надежда на помилование ее не оставляла.

Пользуясь этим временем, рассмотрим те законы и постановления, которые имели отношение к ее преступлению и которые могли быть принятыми к сведению при произнесении окончательного над ней приговора.

7

В Судебнике царя Ивана Васильевича сказано: «А которой отец или мать убьет сына или дочь до смерти, и отцу за то или матери сидеть в башне в городе год и шесть недель, и после того придти к соборной церкви и пост держати, и грех свой объявляти предо всеми людьми».

Этой статье соответствуют в древних юридических памятниках следующие.

В Градском законе, гл. 48, стр. 35: «Убивай восходящего по роду или входящего, или сродника, огневи предан будет».

В Литовском статуте, ред. 1558 г., разд. XI, арт. 7 оконч.: «А если бы се трафило родичом дитя свое забити не с пригоды, а ни за вину, але умыслне, тогда таковой отец и matka мают быти карани за тое год и шесть недель на замку нашем седети у вежи; а выседевши год и шесть недель, маеть еще до году чetyри крaть при церкви, при костеле яко на боженства християнского будеть по-кутовати и визнавати явный грех свой перед всеми людьми собранья християнского...»

В Уложении 1649 года, глав. 22, ст. 3: «А будет отец или мати сына или дочь убиет до смерти, и их за то посадит в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходити им к церкви божи и у церкви божи объявляти тот свой грех всем людем вслух: а смертью отца и матери за сына и за дочь не казнити».

Такое рода снисхождение к убийцам в то время, как во всех остальных случаях убийцы наказывались лютою смертью, достаточно объясняется общим положением родителей в Древней Руси и правами их относительно детей... Обстоятельства эти до такой степени извиняли детоубийство, что его считали скорее грехом, нежели нарушением чьих-либо прав, тем менее детских.

Но снисхождение относительно родителей — убийц детей законных вовсе не распространялось на убийц незаконных детей. В Уложении сказано (гл. 22, статья 26): «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей, сама или иной кто, по ее веленью, погубит; а сыщетка про то допряма, и таких беззаконных жен, и кто, по ее веленью, детей ее погубит, казнить смертью безо всякия пощады, чтоб на то смотря, иные такова беззаконнаго и сквернаго дела не делали и от блуда унялися».

Объяснением столь строгого наказания за убийство незаконных детей, с одной стороны, может служить меньшая степень родительской власти матери, а с другой — особая цель, которую и преследовало тогдашнее законодательство: «чтоб на то смотря, иные такого беззаконнаго и сквернаго дела не делали, и от блуда унялися».

Вот что пишет современник о казни над таковыми женщинами-преступницами: «Женскому полу бываю пытки такая ж, что и мужскому полу, окроме того, что на огне жгут и ребра ломают. А смертныя казни женскому полу бываю за богохульство и за церковную татьбу, за содомское дело жгут живых; за чаровство и за убийство отсекают головы; за погубление детей (незаконных)

и за иныя такие ж злыя дела живых закапывают в землю, по титки, с руками вместе, и отоптывают ногами, и оттого умирают того ж дня или на другой... А которые люди воруют (то есть имеют связь) с чужими женами и с девками, и как их изымают, и того ж дни, или на иной день обеих, мужика и жонку, кто б таков ни был, вода по торгам и по улицам вместе нагих, бьют кнутом»*.

Рассказ Котошихина вполне показывает, как строго выполнялись на практике статьи «Уложения».

В «Артикуле воинском», составленном Петром в 1716 году, вся 20-я глава, в двенадцати статьях, отведена для законов «о содомском грехе, о насилии и блуде».

Как ни строги положенные в них наказания, но уже можно видеть влияние духа времени и собственного темперамента великого Петра. В толкованиях к статьям представлялись разные оговорки и смягчения, так, например:

«Ежели невинный супруг за прелюбодеющую супругу просить будет и с нею помирится или прелюбодеющая сторона может доказать, что в супружестве способу не может получить телесную охоту утолить, то можно наказание умалить» (толк. к артик. 170).

«Ежели холостой человек пребудет с девкою, и она от него родит, то оный для содержания матери и младенца, по состоянию его и платы, нечто имеет дать, и сверх того тюрьмою и церковным покаянием имеет быть наказан, разве что он потом на ней женится и возьмет ее за сущую жену, и в таком случае их не штрафовать» (арт. 176).

Наконец, указ 4 ноября 1715 года, прямо обрекавший убийц незаконных детей на смертную казнь, относительно времен царя Алексея Михайловича, является постановлением несравненно снисходительнейшим.

Таким образом, и по «Уложению» царя Алексея, и по петровским законам Гамильтон должна была быть казнена смертью. Приговор состоялся в четверг, 27 ноября 1718 года.

8

В день 27 ноября 1718 года, по словам современного документа, «великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всяя великия и малыя, и белыя России самодержец, будучи в Канцелярии

* Жестокие преследования прелюбодеяния вполне объясняют, почему в допетровской Руси, как это видно из сочинения Олеария и других, не было ни одного публичного, развратного дома, хотя же путешественники много рассказывают о склонности наших предков к сладострастию. (Прим. автора.)

тайных розыскных дел, слушав вышеписанного дела и выписки, указал, по имянному своему великаго государя указу: девку Марью Гамонтову, что она с Иваном Орловым жила блудно и была от того брюхата трижды и двух ребенков лекарствами из себя вытравили, а третьяго удавила и отбросила, за такое ее душегубство, также она же у царицы государыни Екатерины Алексеевны крала алмазные вещи и золотые (червонцы), в чем она с двух розысков повинилась, казнить смертию.

А бабе Катерине, которая о последнем ея ребенке, как она, Марья, родила и удавила, видела и, по ее прошению, того ребенка с мужем своим мертвого отбросила, а о том не доносила, в чем учинилась с нею сообщница, вместо смертной казни учинить жестокое наказание: бить кнутом и сослать на прядильный двор на год.

А Ивана Орлова свободить, понеже он о том, что девка Марья Гамонтова была от него брюхата и вышеописанное душегубство детем своим чинила и как она алмазные вещи и золотые брала, не ведал — о чем она, девка, с розыску показала имянно.

Подписали: Петр Толстой. От лейб-гвардии майор Ушаков. Григорий Скорняков-Писарев.

И по вышеписанному его великаго государя именованному указу, Иван Орлов из-за аресту свободен того же числа».

С подписанием приговора камер-фрейлину Марью Гамильтон заковали в железо.

8 декабря 1718 года, на Троицкой площади, у крепости, казнено девятеро из важнейших лиц, замешанных в деле царевича Алексея; головы их выставлены на позорном столбе, тела — на колесах.

Царь совершенно успокоился от тягостного суда и, в знак полнейшего торжества, повелел выбить медаль: на одной стороне был портрет императора Петра Первого, на обороте же изображена корона, лежащая на высокой горе, которая выходит из облаков; ее освещает солнце с надписью: «Величество твое везде ясно. 1718 г. 20-го декабря».

Увековечив таким образом память о суде и осуждении сына, царь спешил отдохнуть и оправиться. 19 января 1719 года, вместе с Екатериной, царицей Прасковьей Федоровной, бароном Остерманом и знатными особами, государь отправился к марциальным Олонецким водам.

Здесь государь пробыл до марта 1719 года, проводя время в обычных занятиях делами, на досуге веселясь, по-своему, с приближенными.

3 марта Петр и его двор возвратились в столицу.

Долгое заточение Марьи Даниловны и ее тяжкие страдания возбудили наконец жалость у ее госпожи. Екатерина, умоляемая

свойственниками и родными злосчастной своей камер-фрейлины, решилась ходатайствовать о ее прощении. Она тем больше надеялась на успех, что видела род нерешительности со стороны мужа казнить ее служанку: четыре месяца протекли со времени подписания приговора.

О ходатайстве Екатерины сохранилось несколько рассказов; они-то и составляют сущность печатных, столь скудных, известий о Марии Гамильтон.

Если верить им, то государыня употребила для ее спасения все усилия; к своей просьбе она присоединила просьбы разных доверенных лиц государя; но все это ни к чему не повело. Тогда Екатерина убедила помочь ей любимую невестку Петра, царицу Прасковью Федоровну, которая пользовалась большим уважением государя. Прасковья не отказалась от попытки умиловить Петра, тем более что в этом случае выполняла обычай старины, когда, по словам Котошихина, «царица или царевны — царю били челом», причем царь, по их прошению, все доброе чинил, от бед и смертей освобождал.

С этою целью царица Прасковья пригласила к себе накануне казни Марьи Даниловны (то есть 13 марта 1719 года) государя, государыню, графа Апраксина, Брюса и Толстого. Все трое были уже приготовлены к просьбе и со своей стороны обещали ее поддержать.

Начался общий разговор. Прасковья Федоровна искусно навела его на Гамильтон, извиняла ее преступления человеческою слабостью, страстью и стыдом; превозносила добродетель в государе, сравнивала земного владыку с Богом небесным, который долготерпелив и многомилостив и проч. Апраксин, Брюс и Толстой, согласно с царицей, стали просить за злополучную фрейлину, говоря в смысле слов псалма: «Аще беззакония назириши Господи, кто постоит?»

Петр был в духе, выслушал челобитье терпеливо, не перебивал просителей; когда они кончили, он спросил невестку:

— Чей закон есть на таковые злодеяния?

— Вначале Божий, а потом государев, — отвечала Прасковья.

— Что ж именно законы сии повелевают? Не то ли, что «проливаяй кровь человеческую, да пролиется и его?»

Царица должна была согласиться с тем, что за смерть — смерть.

— А когда так, — сказал Петр, — порассуди, невестушка; ежели тяжко мне и закон отца или деда моего нарушить, то коль тяжчае закон Божий уничтожить? Я не хочу быть ни Саулом, ни Ахавом, — продолжал царь, обращаясь к министрам, — которые, нерассудною милостию закон Божий преступя, погибли и телом

и душою; и если вы имеете смелость, то возьмите на души свои сие дело и решите, как хотите, я спорить не буду.

Все умолкли; никто не решался ни брать на себя ответа, ни делать того, на что не было охоты у повелителя. Прасковья Федорвна, видя, что ходатайство ее ни к чему не повело, поспешила «шуточным прикладом речь свою замять».

Что было причиной строгости царя относительно женщины, которая пыткой и годовым самым ужасным заключением, причем четыре месяца в кандалах была, по-видимому, достаточно уже наказана? Панегиристы Петра — Татищев, Штелин, Голиков, Н. Полевой и другие находят, что строгость Петра прямо вытекала из желания неуклонно выполнить закон; но в таком случае рождается вопрос: всегда ли выполнял он закон, хотя бы и в уголовных только преступлениях? Напротив, во многих случаях Петр не только уступал просьбам царицы и приближенных вельмож, но нередко милостиво принимал его величество ходатайство смелого шута; даже любимой собаки, на ошейнике которой догадывались привязать челобитье о помиловании или, по крайней мере, о смягчении сурового его закона...

Итак, не было ли другого обстоятельства, которое вызывало со стороны царя Петра строжайшее наказание камер-фрейлины Гамильтон?...

Гельбиг разрешает этот вопрос любопытным известием, за достоверность которого он ручается (sic): «Почти всем известно, — говорит автор *Russische Gunstlinge*, — из N 88 анекдотов Штелина о Петре Великом, что девица Гамильтон извела своего собственного младенца и за что ей отрублена была голова, но, может быть, немногие знают, что отцом этого младенца был — Петр I».

Мы не беремся решать, кто был отцом задушенного дитяти: Петр Алексеевич или Иван Михайлович? Но едва ли может быть сомнение в том, что ревность, досада на неверность Гамильтон немало усугубили строгость к ней великого монарха.

В субботу, 14 марта 1719 года, погода была ветреная, утро туманное.

Лишь только стало рассветать, на Троицкой площади, близ крепости, собралась толпа народа, издавна уже привыкшего к казням. Солдаты цепью окружали место казни, наблюдая за порядком. Зеваки окружали эшафот, поджидая жертвы и поглядывая на полуогнившие головы заговорщиков, казненных 8 декабря прошлого года. Государь не замедлил приездом.

Привели из крепости осужденных. Марья Данилова до последнего мгновенья ждала прощения. Догадываясь, что государь будет при казни, она оделась в белое шелковое платье с черными

лентами, без сомнения, в надежде, что красота ее, хотя уже поблекшая от пыток и заточения, произведет, однако, впечатление на монарха... Она ошиблась. Впрочем, государь был ласков — по крайней мере, не осыпал ее упреками, насмешками, бранью, чем сплошь да рядом сопровождалась прочие казни, какие бывали в высочайшем его присутствии.

«Девка Марья Гамантова, да баба Катерина! — воскликнул один из секретарей, начиная чтение приговора, — Петр Алексеевич, всея великия и малыя, и белыя России самодержец, указал за твоя, Марья, вины, что ты жила блудно и была от того брюхата трижды; и двух ребенков лекарством из себя вытравила; а третьяго родила и удавила, и отбросила, в чем ты во всем с розысков винилась: за такое твое душегубство — казнить смертью.

А тебе, бабе Катерине, что ты о последнем ее ребенке, как она, Марья, родила и удавила, видела; и, по ея прошению, онаго ребенка с мужем своим мертваго отбросила, а о том не доносила, в чем учинилась ты с нею сообщница же, — вместо смертной казни учинить наказание: бить кнутом и сослать на прядильный двор, на десять лет».

Трепетала от ужаса камер-фрейлина, молила о пощаде. Петр, так рассказывал Штелину Фоециус, придворный столяр, очевидец события, простился с нею, поцеловал и сказал: «Без нарушения божественных и государственных законов не могу я спасти тебя от смерти. Итак, прими казнь, и верь, что Бог простит тебя в грехах твоих, помолись только ему с раскаяньем и верою».

Она упала на колени с жаркою мольбою. Государь что-то шепнул на ухо палачу; присутствовавшие думали, что он изрек всемилоостивейшее прощение, но ошиблись; царь отвернулся, сверкнул топор — и голова скатилась на помост. Он исполнил данное прежде обещание: тело красавицы не было осквернено прикосновением катских рук.

Великий Петр, повествуют иноземные писатели, поднял голову и почтил ее поцелуем. Так как он считал себя сведущим в анатомии, то при этом случае долгом почел показать и объяснить присутствующим различные части в голове; поцеловал ее в другой раз, затем бросил на землю, перекрестился и уехал с места казни.

Вечером того же дня малограмотный писарь гарнизонной канцелярии отметил, между прочим, в журнале: «14 марта: по указу его царского величества казнена смертью дому его величества девица Марья Данилова: отсечена голова; девица содержалась в гарнизоне под караулом».

Катерина-служанка была высечена кнутом и сослана по приговору.

Что касается до Ивана Орлова, то он был освобожден еще 27 ноября 1718 года.

По этому поводу И. И. Неплюев рассказывал следующее: «Не смотря на все уверения Орлова о том, что он не ведал о детоубийствах, Петр все еще сомневался и целый год держал его в тюрьме. Наконец, бывши на одной ассамблее, приказал привести заключенного денщика. Снова убеждал его, что если он ведал об убийстве, то покайся бы чистосердечно, «потому (говорил государь) согрешить есть дело человеческое, а не признаваться в грехе есть дело дьявольское. Покайся и я тебя прощу!»

Орлов продолжал говорить, что он невинен, и клятвами подтверждал уверения.

— Ну, ежели ты и виновен, — возразил Петр, — то как нет точных тому доказательств, да судит тебя Бог, а я должен наконец положитьсь на твои клятвы.

Орлова, по воле монарха, одели в новый гвардейский мундир и vybrили ему отросшую в тюрьме бороду.

— Жалую его поручиком гвардии, — сказал Петр, — страх подпасть под неправосудие в том сомнительном деле принудил меня заключить тебя на год, яко виновника несчастью любовницы твоей, и ты сам должен признать наказание сие справедливым; оно послужит и тебе, и другим наставлением храниться от подобных поползновений.

Насколько верен рассказ Голикова, записанный со слов Неплюева, решить, конечно, трудно.

В каком полку был Иван Орлов в 1719 году — неизвестно; впрочем, в списках Преображенского полка офицеров, представленных в 1722 году на рассмотрение Петра, для назначения из них судей по делу Шафировва, значится именно — Иван Орлов.

Ловкий удар топора, отделивший голову красавицы, без сомнения, принадлежал опытному и искусному обер-кнутмейстеру, старшему палачу. Он лично распоряжался при допросах и пытках; он же исправлял должность придворного шута. Любопытна его кончина: в 1722 году, в бытность в Олонце с государем, он упал (пьяный?) с лестницы, переломив три ребра и, через десять дней, в страданиях умер.

Но возвратимся к казненной им камер-фрейлине. С отсечением головы не все еще кончилось; оставались ее пожитки, которые надо было, как конфискованное на царя добро, принять на сохранение. Об этом приеме дошел до нас следующий документ:

«1719 г. марта 16-го дня отдано в дом царскаго величества стряпчему Петру Ивановичу Мошкову после девицы Марьи Гамантовой:

Складень алмазной, в нем 23 алмаза, да малых 48; перло бурмицких (зерен 39), при нем запонка 15 алмазов, перло жемчужное, 49 жемчугов, 8 цветочков по одному алмазу; серги, в них 8 алмазов, другая такая же с яхонтом, серги с красным камнем, при них две искры, два запонка золотые, три подвески простых изломанных, на ручке алмазец; с алмазом кафтанчик тафтяной полосатой с юнкою, да другой кафтанчик штофовой. Вышеписанные вещи в доме царскаго величества Петр Мошков принял. А сию роспись писал лейб-гвардии Преображенскаго полку солдат Иван Кондырев, каптенармус Федор Зелов».

Забрав на сохранение драгоценные вещи из небольшого скарба камер-фрейлины, великий Петр, если верить Гельбигу, приказал конфисковать и сохранить самое драгоценное, что имела Марья Даниловна: ее красивую голову.

Голова эта положена была в спирт и отдана в Академию наук, где ее хранили в особой комнате с 1724 года вместе с головою камергера Монса. Воля монарха была исполнена с величайшею точностью. За головами был большой уход до восшествия на престол Екатерины I; когда же увидели, что императрица забыла о бывшем любимце своем, отрубленную голову которого, после казни в течение нескольких дней, видела перед собой, то и смотрители в Академии забыли их.

Спустя шестьдесят лет о них вспомнили. Это было в 1780-х годах. Княгиня Е. Р. Дашкова, в качестве президента Академии, пересматривала счета и нашла, что чрезвычайно много выходит спирту. Между прочим, она заметила, что он отпускается на две головы, хранимые в подвале, в особом сундуке, ключ от которого вверен был особому сторожу; но он не знал, чьи головы находились под его охраной.

Долго рылись в архиве Академии наук; наконец, нашли имена владельцев голов — то были: двора императрицы Екатерины I фрейлина Марья Даниловна Гамильтон и камергер Виллим Иванович Монс. Княгиня Дашкова донесла о находке императрице Екатерине II. Головы принесли во дворец, рассматривали, и все удивлялись сохранившимся следам их прежней красоты. Когда любопытство было удовлетворено, головы, по приказу императрицы, «закопали в погребу».

